

УДК 32.001
ББК 66
К 125

КАВКАЗ-2007. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2009. — 256 с.

- К 125** Пятый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2007 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2008 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2007 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия и справочные материалы: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Верстка: издательство «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2007. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2009. — 256 p.

The fifth CMI Yearbook sums up year 2007 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in May 2008 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2007. The papers reveal the overall political, economical and social trends in the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing and reference material by **Nina Iskandaryan and Sergey Minasyan**

Cover design by *Matit* / www.matit.am

Text layout by *Collage* / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-219-6

ББК 66

© Институт Кавказа, 2009 г.

© 2009 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Швейцарского агентства развития и сотрудничества, Фонда Генриха Бёлля, Фонда Евразия Партнерство и Агентства международного развития США.

The publication of this volume was made possible by the support of the Swiss Development and Cooperation Agency, the Heinrich Böll Foundation, the Eurasia Partnership Foundation and USAID.

КАСПИЙСКАЯ ЭНЕРГОПОЛИТИКА-2007 И ЕЕ КАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР

ДИНА МАЛЫШЕВА

Каспийские энергоресурсы как фактор мировой политики

Каспийский бассейн считается одним из последних малоосвоенных нефтегазовых источников. На Каспии сосредоточено около 4% доказанных мировых нефтяных запасов, а потенциал бассейна некоторыми экспертами оценивается почти в 40 млрд. тонн нефти. В целом, по западным оценкам, доказанные извлекаемые запасы нефти Каспия сравнимы с нефтяным потенциалом Северного моря, но в 22.5 раза меньше, чем на Ближнем Востоке, где содержится 60% мировых доказанных запасов этого сырья. Каспий является также крупной газовой кладовой, хранящей примерно 10 трлн. кубометров природного газа.

Есть в то же время несколько неблагоприятных факторов, снижающих геополитическую значимость Каспийского региона. Его геологическая структура еще плохо изучена, а потому нефти и газа здесь может оказаться либо меньше, либо больше. Есть и такой объективный фактор, как география: Каспийское море со всех сторон окружено сушей, а потому нефть и газ из него доставляют до других морских терминалов в основном только по наземным трубопроводным системам. Практически все они проходят через Россию, которая крайне негативно воспринимает экспансию западных компаний в своем тылу. Наконец, регион Каспийского моря является в геостратегическом плане одним из наиболее «критических» мест Евразии: географическое местоположение этого региона совпадает с зоной политической нестабильности, еще не остывшей после распада Советского Союза. Это таит в себе немалые внутренние риски, поскольку существующий комплекс проблем имеет пока слабую тенденцию к разрешению имеющихся противоречий.

И все же ни эти обстоятельства, ни высказываемые время от времени сомнения в реальности существующих на Каспии запасов нефти и газа (притом, что они практически во всех прикаспийских республиках – государственная тайна) не снижают накала страстей

вокруг перспектив их доставки и путей транспортировки на мировые рынки, прежде всего — европейские. Не затихает в регионе и многостороннее соперничество. Что его подстегивает?

Во-первых, растущий спрос на нефть и газ мировой экономики, все более зависящей от импорта этого стратегического сырья. Замечен также переход мира из эры дешевой и доступной энергии в эпоху энергетического дефицита и дорогих ресурсов. Особенно это актуально для Европы, обеспеченность которой собственными запасами энергоресурсов быстро убывает, тем более что на самой территории Европейского союза находится лишь 3.5% мировых доказанных запасов газа и менее 2% доказанных запасов нефти (в основном в Норвегии и Великобритании); их добыча будет сокращаться, и к 2030 г. 2/3 потребностей Европы в энергии должны будут покрываться за счет импорта¹. США, являющиеся крупнейшим потребителем нефти (24.6%) и мировым лидером по импорту газа (16% от мирового импорта), также будут нуждаться в замещающих энергоресурсах. Это же касается динамично развивающихся государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (особенно Индии и Китая), где в ближайшее десятилетие будут наблюдаться наиболее быстрые темпы роста энергопотребления. Таким образом, ключевые страны мира приложат, как ожидается, огромные усилия, чтобы закрепить за собой не только существующие, но и потенциальные источники поставок каспийских энергоносителей.

Спрос на нефть и газ Каспия подстегивает, во-вторых, неутраченный кризис на Ближнем и Среднем Востоке с его палестино-израильской, иракской и афганской составляющими. Этот кризис усугублялся в 2007 г. эскалацией нестабильности в Пакистане, турецко-курдской конфронтацией, не спадающей напряженностью вокруг Ирана в связи с его ядерной программой. Актуализируют каспийские проблемы неблагоприятные прогнозы относительно стабильности поставок энергоресурсов из Арабского Востока и Ирана, которые становятся амбициозней, упрямей и критичней ко всему, что ассоциируется с Америкой и Западом. Наблюдается и некоторое охлаждение отношений США со своими стратегическими партнерами и главными экспортерами ближневосточной нефти — в пер-

---

¹ См. Asia Today, Hong-Kong, 18.01.2008 (<http://www.inosmi.ru/translation/239006.html>).

вую очередь с Саудовской Аравией (22% мировых доказанных запасов нефти и 13.5% мирового производства нефти). Все эти обстоятельства придают новый импульс политическим баталиям вокруг энергоресурсов Каспия и маршрутов их экспорта на внешние рынки, создавая, по образному выражению известного российского ученого А.Богатурова, «каспийский энергетический миф», где «Каспий – образ альтернативы ближневосточной нефти»¹.

Практически ни одной из задействованных в каспийских энергомаршрутных позициях стран не удалось избежать психологической и дипломатической обработки или же прямого давления со стороны мировых лидеров. В то же время в энергополитике российских партнеров по СНГ, занимающихся производством и экспортом энергоресурсов, все явственнее просматриваются новые тенденции. Это – курс на «равноудаленное сближение» с мировыми лидерами, одновременная игра на нескольких направлениях в сочетании со стремлением не отдавать предпочтение какому-то одному партнеру, попытка воплотить в жизнь идею диверсификации вывода своих энергоносителей на мировые рынки. Такая политика производителей каспийского углеводородного сырья вызвана рядом специфических факторов.

Первый – это быстро меняющиеся геополитические реалии, позволяющие заметно расширять имеющиеся возможности постсоветских государств Каспийского региона: они перестают быть просто объектом приложения политики мировых центров влияния и пытаются стать более или менее полноценными субъектами мировой политики. Обладающие определенным ресурсным потенциалом прикаспийские государства (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), равно как и транзитные страны прохождения экспортных энергомаршрутов (Грузия), уловив возросший интерес к себе крупных мировых игроков, сознательно стимулируют в регионе конкурентную борьбу, стараются получить максимальные выгоды от своего положения, выставить себя в наиболее выгодном свете в глазах потенциальных покупателей своего природного сырья². Что касается России, то в ней начавшаяся в 2003–2004 гг. эпоха высоких цен

---

¹ *Богатуров А.* Конкуренция за транзитные пространства // Независимая газета-Дипкурьер, 18.02.2008.

² *Грозин А.* Большая игра в Центральной Азии // <http://eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1310>.

на нефть, сопровождавшаяся ростом спроса на природный газ, породила преувеличенное чувство собственной значимости и успешности (это же породило у Европы гипертрофированную и зачастую иррациональную фобию энергозависимости).

Второй фактор, определяющий нацеленность каспийских энергопроизводителей на диверсификацию маршрутов прокачки нефти и газа – «технический», и связан он с недостаточной пропускной способностью существующих трубопроводов. Эти маршруты значительно уступают растущему экспортному потенциалу каспийских энергопроизводителей, нуждающихся в расширении имеющихся трубопроводных мощностей.

Третий фактор – потребности развивающихся в регионе национальных энергетик в новых донорах, в привлечении западного капитала в эту сферу экономики. Хотя Россия остается еще важным партнером для других постсоветских прикаспийских государств, последние учитывают, что по многим направлениям российские энергетические компании не имеют на сегодня таких передовых технологий, которыми располагают их западные конкуренты и которые столь важны для государств региона. Побуждает каспийских нефте- и газоэкспортеров к поискам новых рынков сбыта своей продукции снижение внутреннего спроса, в том числе и на энергоресурсы. Это связано с общими трудностями, которые испытывают развивающиеся постсоветские экономики: не преодолены последствия развала некогда единого народнохозяйственного комплекса, а попытки следования стандартам макроэкономической стабилизации по рецептам западных институтов дополняют и усугубляют проблемы в экономике и социальной сфере.

Четвертый фактор – Китай, который по уровню потребления нефти занимает второе место в мире (8.55%). Пекин всерьез нацелен снизить зависимость от импорта энергоносителей морскими путями (с Ближнего Востока через Малаккский пролив), которые сейчас находятся под контролем США, и потому он активизирует поиски альтернативных источников в России и богатом природными ресурсами Каспийском регионе. Шаги Китая по закреплению в энергетических секторах экономик ряда центрально-азиатских государств особенно заметны в последние годы. Лидерами же самих этих государств Китай рассматривается как вполне достойная альтернатива России, которая уже начала конкурировать с Китаем в

энергосфере. Примечательно, что китайская сторона (в отличие от российской) практически не участвует в дискуссиях по поводу прокладки других трубопроводов из Каспийского региона на европейские рынки. Зато в том, что касается собственных энергетических интересов, китайцы работают со своими партнерами в регионе весьма энергично и целенаправленно.

Пятый фактор – стратегия США, нацеленная на то, чтобы: а) не допустить канализации каспийских ресурсов в восточном (китайском и японском) направлении; б) обойти Россию как ключевого поставщика энергоресурсов в Европу. Эта стратегия находит поддержку и в ряде государств Евросоюза, где отдельные политики весьма специфическим образом трактуют проблемы энергобезопасности, предлагая поскорее «защитить» Европу от России, якобы стремящейся подмять под себя все энергопотоки и манипулировать энергопоставками, идущими в западном направлении. Сочетается это все с деятельностью, направленной на оказание всесторонней дипломатической поддержки развитию альтернативных источников энергии и маршрутов транспортировки энергоносителей, не подконтрольных России. Таков маршрут Баку-Тбилиси-Джейхан, который позволяет транспортировать каспийскую нефть в Европу, не прибегая к услугам России, сдерживая одновременно ее экономическое влияние на страны региона. США и Евросоюз пытаются также активно противодействовать любым иницилируемым Россией проектам, самой идее совместной разработки энергетических ресурсов Каспия странами СНГ без участия крупнейших американских и западноевропейских компаний. Потому-то все чаще в разрабатываемых в Европе и США транспортных проектах экспорта каспийских нефти и газа экономическая эффективность отходит на второй план, уступая место геополитическим концепциям.

Энергостратегия России

На долю России, являющейся одной из ведущих энергетических держав не только Каспийского региона, но и мира, приходится 26.6% мировых запасов природного газа и до 13% мировых разведанных запасов нефти¹. Занимая первое место в мире по трубопро-

---

¹ Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М. 2007. С.56.

водной торговле природным газом и являясь наравне с Саудовской Аравией главным экспортером нефти, Россия объективно имеет хорошие шансы на лидерство и в мировом энергетическом процессе, и в геополитике Каспийского региона. При этом какого-либо опасного перекаса российской экономики в сырьевую сторону пока не наблюдается: в валовом внутреннем продукте РФ доля доходов от продажи сырья составляет всего 17%¹. Другое дело, что при высоких ценах на энергоносители у бюджета появляется больше возможностей.

Стратегия Москвы заключается в усилении позиций и возможностей России как надежного поставщика энергоресурсов для Европы. Но в целом российская стратегия нацелена на стопроцентный контроль государства над своими энергосистемами, и вопрос допуска к ним внешних игроков (европейских компаний), на чем настаивает ЕС, пока снят с повестки дня. Хотя не все усилия России заканчиваются одинаковым успехом, ей удалось закрепиться на серьезном плацдарме, который в будущем отечественные энергетические компании намереваются существенно расширить. Одно из наиболее перспективных направлений здесь – газовый рынок СНГ, где едва ли не одна из ключевых ролей в деле продвижения государственных интересов России и защиты их отводится российскому газовому гиганту «Газпрому»².

Важным событием 2007 г. стал для России трехсторонний саммит 12 мая в городе Туркменбаши (Туркменистан), где российский президент и его казахстанский и туркменский партнеры по переговорам подписали Декларацию о намерениях по реконструкции и расширению газопровода из Казахстана и Туркменистана в Россию (Прикаспийский трубопровод). Президент Узбекистана Ислам Каримов также присоединился к этому проекту. Окончательное же соглашение по проекту было подписано 20 декабря 2007 г. в Москве министрами энергетики России, Казахстана и Туркмении в присутствии президентов России и Казахстана. Прикаспийский трубопро-

---

¹ Модест Колеров: «Ближнее зарубежье» России и «задний двор» США // www.regnum.ru/news/953883.html, 07.02.2008.

² Федеральный закон РФ от 18 июля 2006 г. (опубликован в «Российской газете» 20.07.2006) предоставляет «Газпрому» как «организации - собственнику единой системы газоснабжения» «исключительное право на экспорт газа».

вод пойдет в обход Каспийского моря вдоль его восточного побережья и соединится на казахстанско-российской границе с газопроводной системой России «Средняя Азия - Центр». Данный энергетический маршрут позволит транспортировать в основном туркменский газ в Европу через российскую территорию, что говорит о том, что это направление для экспорта центрально-азиатского газа остается в среднесрочной перспективе наиболее выгодным и привлекательным. Пытается Россия использовать на Каспии и другие свои транзитные перспективы и преимущества.

Весьма значимым видится в России проект создания Энергетического клуба ШОС (Шанхайской организации сотрудничества): он был предложен российским президентом на саммите организации в Шанхае в 2006 г. По замыслу, Энергетический клуб должен взять на себя функции некоего совещательного органа, который объединит представителей государственных и деловых кругов, а также информационно-аналитических и научно-исследовательских центров, в сфере топливно-энергетического комплекса государств-участниц ШОС, и, возможно, стран-наблюдателей (Иран, Пакистан, Индия и Монголия). Энергетический клуб может способствовать взаимодействию в реализации совместных проектов, в распределении сфер влияния, чтобы минимизировать риски столкновения интересов национальных компаний, конкурирующих друг с другом на рынке. На прошедшем 16-17 августа 2007 г. саммите ШОС в Бишкеке и на заседании Совета глав правительств государств – участников ШОС в Ташкенте (1-2 ноября 2007 г.) с подачи российской делегации вновь были обсуждены вопросы сотрудничества в топливно-энергетической сфере в рамках предлагаемого Москвой Энергетического клуба. Однако дальше разговоров дело не пошло. Причина – нежелание центрально-азиатских государств – производителей нефти и газа – связывать себя обязательствами в рамках новой организации, где политика, в том числе и ценовая, заведомо будет диктоваться российскими энергетическими компаниями. Ведь центрально-азиатские государства, экспортирующие нефть, являются не только партнерами, но и соперниками России на многообещающих рынках Европы, а также Восточной и Южной Азии.

Столь же непросто реализуется предложение России по созданию в рамках Содружества единого газового альянса, который, как предполагают в Москве, смог бы защитить интересы государств – чле-

нов СНГ на внешних рынках. С идеей создать картель производителей газа (или «газовой ОПЕК», как окрестили проект в СМИ) выступил 28 января 2007 г. духовный лидер и руководитель Исламской Республики аятолла Али Хаменеи на своей встрече с тогдашним секретарем Совета Безопасности РФ Игорем Ивановым. Развив эту инициативу 9 апреля 2007 г. на Форуме стран-экспортеров газа (ФСЭГ) в катарском городе Доха, президент РФ предложил кандидатуру России в качестве председателя группы по ценообразованию на «голубое топливо». 8 апреля 2008 г. в Тегеране эксперты стран ФСЭГ рассмотрели устав так называемой «газовой ОПЕК», и, как предполагается, работа над этим проектом продолжится в Москве летом на уровне министров энергетики стран-участниц ФСЭГ. Если им удастся придти к согласию, это может серьезно изменить картину на мировом газовом рынке, поскольку по своим внешним показателям организация производителей газа будет выглядеть влиятельнее ОПЕК: ведь она объединит газопроизводителей Западной Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Россия, а вместе с ней Иран и Катар (14.3% мировых доказанных запасов газа), смогут существенно усилить свой политический вес, получить новые рычаги давления на импортеров природного топлива.

Другое дело, что регулировать цены – что в рамках планируемого Энергетического клуба ШОС, что гипотетического международного газового картеля – будет сложно, поскольку газовые контракты, в отличие от нефтяных, заключаются на десятки лет вперед. Россия же, как крупнейший производитель газа, из-за сильной сегментации мирового газового рынка не сможет исполнять на нем роль Саудовской Аравии и диктовать Западу мировую цену на газ, которой к тому же нет в природе. Да и сам «Газпром», борясь за долгосрочные контракты, выступает против подписания с Евросоюзом Энергетической хартии, то есть фактически он препятствует формированию единого глобального рынка газа. Что касается ФСЭГ, то и он во многом остается номинальной организацией, не влияющей на конъюнктуру мирового топливного рынка. Есть и серьезные политические ограничители российских инициатив.

Инициатива России фактически не нашла поддержки среди каспийских производителей газа, где идею нового картеля сдержанно одобрил только Казахстан. Азербайджан, сконцентрированный на транспортировке своих топливных ресурсов на европейский энерге-

тический рынок, предпочел дистанцироваться от планируемой организации, где партию «первой скрипки» намерены играть РФ и главное – Иран. Туркменистан, по сложившейся со времен правления Туркменбаши традиции и исходя из своего декларированного нейтрального статуса, никак не отреагировал на данный проект.

А вот на Западе тема гипотетического газового картеля во главе с Россией гипертрофированно политизируется и мифологизируется. Моментально отозвался на разговоры об «энергетическом оружии» и «газовой ОПЕК» Вашингтон, стремящийся максимально удержать Европу от энергетического сотрудничества с Россией: Палата представителей США заявила, что будет рассматривать проект «газовой ОПЕК» как угрозу их стране. А 16 марта 2007 г. помощник американского госсекретаря Дэниэл Фрид заявил, что Соединенные Штаты собираются создать альтернативу российскому «Газпрому» для европейских потребителей¹. Ставку при этом США собираются делать на увеличение добычи газа Азербайджаном, что, правда, реализовать будет достаточно сложно: по одним прогнозам, Баку сможет повысить производство газа не ранее 2012-2014 гг., по другим – доля Азербайджана как поставщика газа к 2017 г. снизится, и основными газозэкспортерами останутся к тому времени Туркмения с Казахстаном и, скорее всего, Иран².

Стремительно меняющийся политический ландшафт Каспийского региона, пришествие сюда иностранных компаний, американо-натовских военных, различных региональных и нерегиональных игроков превращают этот богатый энергоресурсами район в объект острого геополитического соперничества. Не прекращаются политические баталии вокруг разработки старых и новых месторождений каспийских энергоресурсов, а также маршрутов их экспорта на внешние рынки.

Статус Каспия и трубопроводные страсти

Если бы договор по статусу Каспия был подписан всеми пятью прибрежными государствами, вероятность строительства новых энергетических маршрутов существенно увеличилась бы. Между

---

¹ <http://lenta.ru/articles/2007/03/19/gazopec/>.

² Мир вокруг России. С.56.

тем ни прошедшая в Тегеране 27–28 февраля 2007 г. встреча министров пяти прикаспийских стран, ни Второй каспийский саммит в Тегеране 16 октября 2007 г., ни встреча на министерском уровне в апреле 2008 г. в Тегеране, на которых политики пытались урегулировать вопрос о статусе Каспия, не принесли прорыва в его решение. Есть и такой важный ограничитель, как Иран: против него вводятся санкции из-за его ядерной программы, и серьезные инвесторы не спешат вкладываться в энергетические проекты с участием ИРИ, хотя такие проекты сулят немалую выгоду.

Тем не менее, в последние годы некоторые подвижки в решении межгосударственных проблем на Каспии цивилизованным путем уже произошли. Так, в результате заключения двусторонних (Россия - Азербайджан, Россия - Казахстан) и трехсторонних (Россия, Азербайджан и Казахстан) соглашений северная часть Каспийского моря (64% его морской акватории), где находятся самые богатые месторождения и осуществляются крупнейшие международный проекты, разделена территориально по срединной линии на три неравные части. Казахстану досталось 27%, России – 19, а Азербайджану 18. В январе 2005 г. подписанием в Москве президентами России и Казахстана Договора о российско-казахстанской государственной границе закреплено соглашение по прохождению линии государственной границы на Каспии - по земле и на воде.

Хотя в России остается еще немало политиков и бизнесменов, готовых отстаивать идею «одного трубопровода», пролегающего исключительно через территорию России, в перспективе России все же вряд ли удастся сохранить за собой монополию в экспорте нефти и газа на мировые рынки. Так, наряду с Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК) – первым построенным с участием частного капитала крупным нефтепроводом на территории бывшего СССР, соединяющим казахстанское месторождение Тенгиз с экспортным терминалом близ Новороссийска – функционирует (во многом благодаря усилиям американских администраций и энергетических компаний США) Основной экспортный трубопровод БТД (Баку-Тбилиси-Джейхан). По нему пока транспортируется в основном только азербайджанская нефть, которой, впрочем, для заполнения трубопровода не хватает.

Как признают эксперты, Баку даже на пике выработки может заполнить трубу только 15–20 млн. тоннами нефти в год, в то время как

для обеспечения рентабельности БТД нужно не менее 30 млн. Кроме того, Азербайджан, наподобие Туркменистана, раздал массу других обязательств – Грузии, Украине и пр.; нефть нужна Азербайджану и для внутреннего потребления. Так что без казахстанской нефти вывести БТД на уровень рентабельности не представляется возможным. Потому-то на колеблющегося президента Казахстана в интересах американских энергетических компаний было оказано серьезное давление: с одной стороны американцы периодически разыгрывали карту «Казахгейта», с другой – предлагали казахстанскому руководству «пряник» в виде председательства в ОБСЕ. Оно обещано Казахстану с 2010 г. и является, по мнению многих экспертов, «сугубо нефтяным»¹. О значении, которое придают западные спонсоры проекта БТД участию в нем Казахстана, свидетельствуют последовавшие после торжественного открытия этого нефтепровода широковещательные заявления о его переименовании в Актау-Баку-Тбилиси-Джейхан.

На сегодняшний день Казахстан, который, по данным влиятельного агентства «Блумберг», обладает 3.3% всех мировых резервов нефти², близко подошел к завершению юридического оформления документов по присоединению к БТД. Так, подписанный руководителями Казахстана и Азербайджана еще 16 июня 2006 г. «Договор о поддержке и содействии транспортировке нефти из Казахстана через Каспий и территорию Азербайджана на международные рынки посредством системы БТД» ратифицирован 26 марта 2008 г. депутатами нижней палаты парламента (Мажилиса) Казахстана, а 24 апреля – парламентом республики. Теперь его только остается подписать президенту страны.

Казахстану развивает сотрудничество в энергетической сфере с самыми разными игроками. С Ираном в конце декабря 2007 г. бы-

---

¹ См., например: Захаров П. Казахстан выкручивает России руки // http://www.km.ru/magazin/view_print.asp?id={9B3A2C11-9E70-465F-805B-4B7A6951D6D1}&data=

² Прогнозные запасы нефти в республике оцениваются: на суше – в 13 млрд. тонн, в Кашагане – 7 млрд. тонн. Подтвержденные запасы этого энергосырья составляют в Казахстане около 5 млрд. тонн. По величине доказанных запасов он занимает 11-е место в мире, а по прогнозным – 12-е. К 2015 г. Казахстан собирается добыть на морском месторождении Каспия 100 млн. тонн нефти. В целом, если ежегодная ее добыча составит 11-12%, то запасов страны хватит на 43 года (www.bloomber.com/22.08.2005).

ли возобновлены переговоры о сооружении совместного нефтепровода и нескольких нефтеперерабатывающих предприятий. Эти переговоры велись Астаной с оглядкой на США, которые занимают в отношении Ирана конфронтационную позицию. Тем более что Казахстан надеется получить существенные западные инвестиции, в том числе и из Соединенных Штатов, для разработки Кашаганского нефтяного месторождения и для транспортировки нефти оттуда через Каспий по направлению к нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. Так что, возможно, реализация ирано-казахстанского проекта произойдет только тогда, когда нормализуются ирано-американские отношения.

Динамично развиваются торгово-экономические связи Казахстана и Турции, с которой Казахстан также надеется наладить сотрудничество в энергетической сфере. Совместные проекты, в частности, были обсуждены 13 декабря 2007 г. во время посещения с государственным визитом казахстанской столицы президентом Турции Абдуллой Гюлем. Н.Назарбаев сообщил тогда своему коллеге, что в 2010–2012 гг. Казахстан по объемам продаж нефти выйдет на пятое место в мире. Поэтому для транспортировки этого сырья на мировые рынки республика будет, наряду с другими энергетическими маршрутами, использовать нефтепровод БТД. Заинтересована казахстанская сторона и в участии в строительстве нефтеперерабатывающего завода в турецком средиземноморском порту Джейхан¹.

Грузия является одним из ключевых объектов казахстанских инвестиций на пространстве СНГ – как государственных, так и частных. Тбилисская газораспределительная компания «Тбилгаз» перешла под контроль казахстанского «Казтрансага». Казахский капитал является собственником грузинских телекоммуникационных компаний, частному казахстанскому «Тураналембанку» принадлежит множество объектов туристической и курортной инфраструктуры Грузии, казахские инвесторы контролируют Батумский морской порт. Кроме того, Казахстан рассматривает Грузию как важнейшую транзитную страну, по территории которой проходит нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, способный стать в будущем одним из крупных маршрутов экспорта казахстанской нефти на мировые рынки.

---

¹ Kazakhstan Today. 14.12.2007.

Все эти действия Казахстана и других каспийских производителей нефти и газа свидетельствуют о том, что транспортный фактор приобретает чрезвычайно важное значение, а каспийские нефте- и газоэкспортеры намерены всемерно диверсифицировать пути доставки своего продукта на мировые рынки, не замыкаясь исключительно на российском маршруте. Эта задача облегчается тем, что помимо БТД, готовы к эксплуатации или же запланированы к пуску ряд альтернативных маршрутов экспорта каспийских энергоресурсов.

В марте 2007 г. заработал Южно-Кавказский трубопровод, по которому с газоконденсатного месторождения Азербайджана Шах-Дениз газ направляется по грузинской территории в Турцию (Эрзерум). Реанимировано с 2007 г. обсуждение проекта строительства по дну Каспия Транскаспийского газопровода (ТКГП), где главным поставщиком должен стать Туркменистан. Осуществление этого проекта как логического продолжения инициированного в 2002 г. газовыми компаниями Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Турции газопровода «Набукко» лоббируют Евросоюз и страны прозападного блока ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия).

Согласие Туркменистана на участие в Транскаспийском проекте считается основополагающим для его экономического успеха. Не удивительно, что Ашхабад стали усиленно обхаживать эмиссары из США и Евросоюза, старавшиеся склонить туркменское руководство к более тесному энергетическому сотрудничеству. Но в принципе вопрос о путях доставки туркменского газа в Европу в обход российской территории не решен, а различные проекты его транспортировки (по трубопроводу по дну Каспийского моря между Туркменистаном и Азербайджаном, по наземному газопроводу в Азербайджане, путем сжижения газа и перевозки его танкерами по морю) находятся на стадии проработки.

Не проясненным остается вопрос и об истинных запасах туркменского газа: независимые исследования здесь не проводились, а результаты внутреннего аудита, проведенного западными компаниями несколько лет назад, остаются закрытыми¹. Что касается про-

---

¹ Данные Института по освещению проблем войны и мира от 11.04.2008 http://www.iwpr.net/?apc_state=henbbtm344084&l=ru&s=b&p=btm&o=344084.

изводства газа в Туркмении, то оно оценивается в среднем в 80 млрд. куб. м. При этом, по данным ВР, в 2007-2009 гг. Туркмения, помимо поставок Китаю и Ирану, а также и собственного потребления, составляющего свыше 17 млрд. куб. м в год, должна, согласно долгосрочным контрактным обязательствам, экспортировать в Россию 50 млрд. куб. м газа¹. В совокупности эти объемы превышают уровень добычи газа в республике. Чтобы опровергнуть высказывавшиеся экспертами сомнения относительно истинных газовых резервов Туркменистана, власти страны объявили в середине марта 2008 г. о проведении аудита запасов газа, но лишь выборочно – на крупнейшем углеводородном месторождении Южный Иолотань на юго-востоке Туркменистана.

Пока единственным видимым результатом «работы» западных политиков с туркменским президентом явилась нормализация при их посредничестве замороженных с лета 1999 г. отношений между Туркменистаном и Азербайджаном. В первой половине 2008 г. в туркменский президент посетил Баку, а до того у него состоялось несколько встреч с его азербайджанским коллегой. Итогом стало восстановление работы туркменского посольства в Баку. Начала работать азербайджано-туркменская межправительственная комиссия, разрешившая 5 марта 2008 г. вопрос о возврате накопившейся перед Ашхабадом задолженности за поставленные Баку объемы туркменского газа в период 1999-2001 гг.

Примечательно, что 21 марта 2007 г. заместитель министра иностранных дел Азербайджана Араз Азимов призвал Европейский Союз возобновить энергетическое сотрудничество с Туркменией и, в частности, приступить к закупкам туркменского газа, несмотря на принятое ЕС ранее решение о прекращении торговых отношений с этой страной из-за нарушений прав человека. По мнению Азимова, покупка газа напрямую у Туркмении, а не через Россию, будет способствовать усилению энергетической безопасности ЕС. Заявление Азимова совпало с высказываниями ряда других европейских и азиатских политиков и экспертов. Например, называющий себя «независимым журналистом» Джошуа Кусер опубликовал на одном из Интернет-сайтов статью под красно-

---

¹ Ведомости. 31.08.2007.

речивым названием «Запад должен принять меры по ограничению влияния «Газпрома» в Туркменистане»¹.

Очевидно, что туркмено-азербайджанский диалог отвечает в большей мере интересам Туркменистана, занятого активными поисками альтернативных путей выхода на европейские рынки и рассматривающего Азербайджан в качестве транзитного государства. Интересам же азербайджанских компаний противоречит лоббирование туркменских газопроизводителей, ибо с чисто экономической точки зрения Азербайджану невыгодно поддерживать выход на мировые рынки дешевого туркменского газа и гораздо выгоднее дружить с Москвой, при необходимости сговариваясь с ней о ценах. С того же Транскаспийского газопровода Азербайджан сможет получить лишь пошлины за прокачку туркменского газа. В этой ситуации проделанный Азербайджаном резкий геополитический разворот от Москвы к Вашингтону можно объяснить только одним: заинтересованностью Баку в помощи со стороны американской администрации и ЕС в решении главной территориальной проблемы – карабахской. Один из рассматриваемых вариантов – вступление Азербайджана в НАТО, что автоматически гарантировало бы внешние границы страны.

Между тем потепление отношений между Азербайджаном и Туркменистаном вовсе не обещает возможности скорого решения территориальных вопросов между двумя государствами. К тому же еще не до конца ясно, насколько серьезен Ашхабад в своих заявлениях, учитывая, что он связан серьезными контрактными обязательствами по поставкам газа в Россию и КНР и подписал плюс к этому в апреле 2008 г. рамочное соглашение с Пакистаном, Афганистаном и Индией о сооружении к 2015 г. Трансафганского газопровода (ТАПИ). Этот проект, правда, рассматривается многими экспертами как сугубо политический, поскольку дает возможность Туркменистану, даже если начать строительство не удастся, показать, что он имеет массу вариантов поставок и может торговаться с наиболее реальными потребителями. Существует, кроме того, альтернативный проект – газопровод Иран-Пакистан-Индия (ИПИ). Но здесь возникает вопрос политической безопасности, поскольку планируемые трубопроводы пройдут по зонам конфликтов.

---

¹ См. <http://www.eurasianet.org>, 21.03.2007.

Что касается Транскаспийского газопровода, то здесь главным аргументом «против» становится экологическая безопасность, учитывая угрозы окружающей среде, создаваемые прокладкой трубы по дну моря или же доставкой газа танкерами под давлением, в сжиженном виде. Вдобавок к этому ни в Ашхабаде, ни в Астане еще нет полной уверенности в экономической целесообразности этого проекта, как нет и в целом единого мнения на счет того, насколько экономически необходим усиленно проталкиваемых США и Евро-союзом Транскаспийский проект, окутанный большим количеством спекуляций и ангажированных комментариев.

Обращает на себя внимание в связи с этим публикация в азербайджанской газете «Эхо» от 17 апреля 2008 г., в которой дается понять, что Москва может убедить Баку в отсутствии необходимости строительства трубопроводов для прокачки центрально-азиатского газа через Азербайджан в Европу по лоббируемым западными компаниями маршрутам — южно-кавказскому (Баку-Тбилиси-Эрзерум), дну Каспия (Транскаспийский проект) либо газопроводу «Набукко». Российская сторона якобы предложила доставлять туркменский и казахстанский газ в Россию по Прикаспийскому газопроводу, а оттуда пускать топливо в Азербайджан по существующему газопроводу Моздок-Алибайрамлы. Этот вариант в Москве считают более выгодным в финансовом отношении, нежели строительство дорогостоящего подводного трубопровода. Кроме того, как полагают в России, Транскаспийский газопровод сопряжен с политическими рисками в связи с неопределенностью правового статуса Каспия. В Москве также полагают, что предлагаемый вариант устроит всех: Туркменистану и Казахстану он обеспечит диверсификацию экспортных маршрутов, Азербайджану даст транзитный доход. Выгода же России помимо транзитных доходов заключается в устранении маршрута в обход РФ, что лишало бы Москву контроля над энергетическими потоками. Предлагаемый Россией вариант является компромиссным. Дело в том, что сейчас Москва выступает в качестве перекупщика газа стран Центральной Азии, который она перепродает европейцам по устанавливаемой ею цене. В новом же проекте Россия будет брать лишь транзитную плату, а цену на газ будут устанавливать сами страны-производители.

Активность России на каспийском направлении ее внешней политики свидетельствует о том, что ее нефтяные компании, а также

и «Газпром», не сидят, сложа руки: они усиленно проталкивают маршруты, альтернативные Транскаспийскому газопроводу, транзиту нефти через Белоруссию и транзиту газа через Украину.

Наряду с вышеупомянутым Прикаспийским газопроводом (который является своего рода «нашим ответом Чемберлену» – проекту лоббируемых ЕС и США Транскаспийского трубопровода и «Набукко»), прокладывается, например, маршрут российского нефтеэкспорта Бургас-Александрополис по нефтепроводу, который будет строиться согласно заключенному 15 марта 2007 г. контракту между Россией, Грецией и Болгарией, и подразумевает также сотрудничество в газовой сфере. Строится стратегический Североевропейский газопровод («Северный поток»), который, связав напрямую через Балтийское море Россию и Германию, со временем может стать альтернативой поставкам каспийского газа по территории Украины. Имеется проект «Южный поток», соглашение о строительстве которого подписано 23 июня 2007 г. в Риме между представителями «Газпрома» и итальянской энергетической компанией «Eni Paolo Scaroni».

Рассматривается возможность строительства российской компанией «Газпром нефть» НПЗ (нефтеперерабатывающего завода) в Армении на границе Армении и Ирана, в районе Мегри. Нефть на предприятие будет поступать из Ирана, для чего придется протянуть трубопровод длиной 200 км от иранского Тебриза до границы с Арменией. Транспортировать нефтепродукты обратно в Иран предполагается по железнодорожной ветке. Интерес Армении к проекту очевиден. После обострения отношений между Москвой и Тбилиси, а тем более после ясного декларирования Грузией ориентации на США и НАТО, над Арменией нависла угроза оказаться отсеченной от своего главного стратегического партнера и спонсора – России. Любые поставки в Армению из России в этом случае станут проблематичными, и Ереван может оказаться один на один со своим постоянно усиливающимся противником – Азербайджаном. НПЗ же даст возможность Еревану хотя бы частично сохранить свое нынешнее положение в регионе. Ирану армянский НПЗ может пригодиться на случай, если США все же решатся на военную операцию против Тегерана. В то же время эксперты не исключают возможности изменений в энергетической политике Армении. Так, обсуждается вариант создания армяно-российско-иранского консор-

циума, который будет контролировать энергетику Армении; проявляет Ереван интерес и к проекту «Набукко».

Есть и более экзотические проекты. Согласно одному из них, «Газпром», якобы, провел тайные переговоры с израильским премьер-министром Эхудом Ольмертом на предмет возможной транспортировки российского газа в Израиль через подводный газопровод «Голубой поток», который Россия построила в 2004 г. с намерением повысить свое влияние на Турцию. Активность Израиля обусловлена снижением объемов газа, поставляемого из бассейна Мертвого моря и Египта, а также опасениями, что газовые месторождения в этих местах иссякнут, как ожидается, к 2010 году. Эксперты расценивают контакты такого рода и как свидетельство намерений России потеснить позиции США на Ближнем Востоке.

Все эти реализуемые и планируемые проекты дают основание предположить: в будущем конкуренция в Каспийском регионе будет только обостряться. Все будет зависеть от внутренних экономических условий его стран и стоимости самой нефти к 2010-2012 гг., когда многие проекты выйдут на максимальную мощность. Наверняка будет присутствовать элемент геополитической игры, и, как и сегодня, он, так и не став доминирующим фактором, будет «подогревать» политические отношения.

Иранский фактор на Южном Кавказе

По размерам своих нефтяных запасов и объемам добычи нефти (11.5% мировых доказанных запасов нефти) Иран занимает четвертое место в мире после Саудовской Аравии, Ирака и Кувейта. По запасам природного газа (14.9% мировых доказанных запасов газа) иранцы находятся на втором месте в мире после России (хотя неофициально вторые в мире месторождения находятся у берегов Катара, но на часть их претендует Иран). Не секрет, что международные санкции в последнее время серьезно мешали иранцам развивать свой газовый сектор, но сейчас ситуация стала понемногу меняться. Тегеран пытается активизировать свою энергетическую деятельность в отношениях со странами ЕС, Россией и Китаем. Подобная политика «открытых дверей» совпала по времени и с ростом интереса к Ирану со стороны европейцев.

Иран – серьезный партнер и одновременно конкурент России на газовом рынке. Однако в отличие от России, которая является

крупнейшим поставщиком этого энергосырья мировым потребителям, Иран открыл для продажи лишь незначительную часть своих газовых резервов. Это означает, что республика еще способна сыграть в будущем ключевую роль в наполнении рынка своими энергоресурсами. Это обстоятельство особенно важно в связи с тем, что с каждым годом потребности глобализирующейся экономики в газоконденсатах увеличиваются в разы, и газ часто становится энергоисточником более предпочтительным, нежели нефть.

Иран ведет активную игру и на каспийском нефтяном поле: он предлагает импортировать нефть из региона по территории ИРИ по схеме замещения, что может сделать использование нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан экономически нецелесообразным. Располагающие нефтью прикаспийские государства, в первую очередь Россия и Казахстан, давно проявляют заинтересованность в транспортировке своих углеводородов именно через Иран. Как сообщает *Media-Press*, стоимость транспортировки нефти по иранскому маршруту составляет 20-22 долл. за тонну, а в ближайшей перспективе она вообще может быть снижена до 16 долларов. Кроме того, Тегеран может увеличить импорт нефти по схеме замещения до 18 млн. тонн. В то же время планируемая стоимость транзита - не менее 32 долларов за тонну. Таким образом, несложный расчет показывает, что использование нефтепровода БТД будет просто коммерчески невыгодным.

Но у американских лоббистов амбициозного проекта БТД иранский маршрут вызывает негативную реакцию. Во-первых, они заинтересованы в максимальном ограничении доступа Ирана в мировую экономику и политику. Во-вторых, ряд экспертов выражает сомнения в том, что Казахстан, Туркмения и Россия обеспечат те самые 18 млн. тонн нефти для поставок через Иран. В-третьих, по мнению противников иранского маршрута, нефтяные проекты у иранского побережья Каспия наносят ущерб окружающей среде, особенно на юго-восточном побережье.

Широкий резонанс вызвал и проект строительства газопровода Иран-Армения. Согласно подписанному в Ереване 13 мая 2004 г. армяно-иранскому договору, Иран обязался в последующие 20 лет поставлять Армении 36 млрд. кубометров газа. Первый этап проекта предусматривал строительство 100 км газопровода по территории Ирана и 41 км по территории Армении (Мегри-Каджаран), что поз-

волило бы Армении получать 1.5 млн. куб. м газа ежедневно. Второй этап проекта был связан с прокладкой трубы из Каджарана вглубь Армении.

Армению понять можно: эта закавказская республика ищет любые возможности вырваться из экономической блокады и переломить неблагоприятную для нее геополитическую ситуацию. В советские времена и после провозглашения независимости Армения получала газ из России через территорию Грузии. Однако газопровод Россия–Грузия–Армения не только не был модернизирован, но и подрывался в 1990-х гг. десятки раз. Он находится в плачевном состоянии, и не снята угроза его остановки из-за дестабилизации в регионе или технических причин. Несомненны и экономические выгоды, которые сулит иранский проект Армении. Это и модернизация энергосистем республики; и появление дополнительных рабочих мест, что в условиях массовой безработицы в Армении очень важно; это, наконец, открывающаяся возможность выхода Армении из многолетней экономической блокады, в которой она очутилась вследствие карабахского конфликта – и в силу невыгодного геополитического положения, и «благодаря» турецко-азербайджанско-грузинским усилиям.

Из созданной Соединенными Штатами изоляции стремится вырваться и Иран. Но оба главных участника газовой сделки – Иран и Армения – в первую очередь реализуют свои собственные национальные интересы. К тому же Армения, считающаяся единственным стратегическим союзником России на Южном Кавказе, давно пытается выстраивать самостоятельную региональную политику. Оба эти государства едва ли можно упрекнуть в том, что свои внешнеполитические обязательства перед Россией они переводят на второй план.

Между тем ирано-армянские контакты по поводу строительства газопровода сразу же получили политический резонанс. Поскольку они проходили на фоне укрепления регионального сотрудничества Азербайджана, Турции и Грузии, взаимодействие Ирана с Арменией стало трактоваться в азербайджанских средствах массовой информации как некая попытка образовать региональный альянс с последующим подключением к нему России¹. Достаточно резко отреагировали на планы строительства газопровода США, которые

---

¹ См., например: Эхо. 23.03.2007.

выступили против любых иранских инвестиций в нефтегазовую сферу Армении. За этим следовали традиционные обвинения в адрес Ирана — «спонсора терроризма», а также страны, стремящейся «приобрести оружие массового уничтожения». В Америке, кроме того, были недовольны тем, что ирано-армянский проект мог бы составить конкуренцию спонсируемому США и западными компаниями другому проекту — Баку-Тбилиси-Эрзерум.

Первоначальная реакция «Газпрома» на планируемый ирано-армянский газопровод также была негативной, поскольку имелись серьезные опасения, что проект мог снизить значимость реализуемого Россией совместно с Турцией маршрута «Голубой поток», протянутого по дну Каспия. В России, кроме того, насторожились после заявления министра энергетики Армении о возможности прокладки параллельной трубы в Европу. В таком случае армяно-иранский газопровод составил бы конкуренцию газу, поставляемому «Газпромом» в Армению. Но российская сторона постаралась дипломатическими средствами обезопасить себя от такого развития событий во время визита в Москву (13-15 мая 2004 г.) тогдашнего президента Армении Р.Кочаряна, и в Москве было принято решение об участии российского газового холдинга в строительстве газопровода Иран-Армения. Сам этот проект принял реальные очертания только после того, как армянская сторона пошла на уступки России и сняла с повестки вопрос о том, является ли газопровод Иран-Армения транзитным и может ли он каким-либо образом ущемить интересы «Газпрома» на газовых рынках Грузии, Украины и Европы.

19 марта 2007 г. в армянском городе Агарак, расположенном недалеко от иранской границы, прошла церемония открытия газопровода, на которой присутствовали армянский и иранский президенты. Протяженность газопровода - 141 километр. В соответствии с контрактом, заключенным на 20 лет, Армения должна получить 36 млрд. кубометров газа. Расплачиваться за газ республика будет энергией, производимой атомной электростанцией. Газ, который будет поступать из Ирана, не предназначен для удовлетворения внутренних нужд Армении: для этой цели существует магистраль, входящая в республику с севера, то есть с территории Грузии. Голубое топливо из Ирана будет перерабатываться на армянских генерирующих мощностях в электроэнергию, которая подлежит экспорту (3 киловатт в час электроэнергии за каждый кубометр газа) в ка-

честве оплаты за поставленный газ обратно в Иран. С технической стороны для Армении это чрезвычайно тяжелый контракт и чтобы, выполнить его условия, необходимы электростанции современного уровня. Эту задачу армянская сторона намерена решить с помощью РАО ЕЭС, которое согласилось наладить армянские энергосистемы. Приоритетным для РАО ЕЭС проектом в Армении стало строительство пятого блока Разданской ТЭС, на долю которой в нынешнем состоянии приходится 20% выработки электроэнергии в Армении. Стоимость строительства пятого блока оценена российским энергохолдингом в 120 млн. евро.

Между тем для России в данном проекте остается немало подводных камней, которые могут «показаться из-под воды» в будущем. Пока этот маршрут, как заверяют его армянские и иранские учредители, не рассчитан на транзитные цели ввиду отсутствия соответствующих технических параметров у газопровода. Да и в целом перспективы выхода Ирана за пределы южно-кавказского рынка в Европу пока нереальны, как и смутны на сегодняшний день возможности Армении прорвать с помощью газовой трубы экономическую блокаду. Да и не могут сегодня эти проекты не вызывать аллергию – по разным причинам - у США и Азербайджана. Однако все очень быстро меняется. И Тегеран с Ереваном явно просчитали возможности в будущем осуществлять транзит иранского газа по территории Армении в Европу: для этого нужно только проложить еще одну трубу, параллельную строящейся. Этому «Газпром» не сумеет помешать, хотя и сможет поднять тарифы на поступающий в Армению российский газ. Такой сценарий выглядит вполне реальным, если в Ереване и Тегеране установятся режимы, устраивающие США. Тогда проблем с таким альтернативным России газопроводом вообще не возникнет. Но это лишь прогнозы, а пока для России и ее энергетических компаний внешне все складывается наилучшим образом. Что касается Ирана, то ему в целом удастся диверсифицировать свою политику в регионе, не делая ее ориентированной только на одну страну.

Заключение

Ситуация в Каспийском регионе в 2007 г. характеризовалась такой же неопределенностью, как и в предыдущие годы, а прибрежным государствам, обладающим разным потенциалом и имеющим

разные цели и приоритеты, по-прежнему трудно было вести здесь согласованную политику.

Есть еще «третья сила», которая может подключиться к геополитическим процессам в большой энергетической игре на Каспии. Это ОПЕК, для которой невыгодно нарушение хрупкого ценового баланса в случае выброса на мировой рынок нефти с Каспия. Ведь за последние десятилетия добыча нефти возросла в основном за счет стран, не входящих в ОПЕК, на которую приходится 40% мирового экспорта нефти и 75% ее мировых запасов. Сюда, помимо новых месторождений на Аляске и в Северном море, вошел и Каспийский регион. Первые два региона истощаются: например, на Аляске производство нефти упало на 63% по сравнению с тем, что было 20 лет назад; в Норвегии оно сократилось на 25% в сравнении с 2001 г. Но и 13 странам, входящим в ОПЕК, в 2007 г. не удалось увеличить добычу нефти до уровня мировых потребностей, и они едва ли смогут переломить ситуацию в перспективе, поскольку это невозможно без активного участия выведенных в последние годы из энергетической «игры» Ирана и Ирака. В то же время нефтедобывающие страны, не состоящие в ОПЕК (Россия, Мексика, Норвегия, Казахстан), в отличие от картеля, цель которого – регулирование поставок нефти для поддержания высоких цен на нее, пытаются продать как можно больше нефти, используя конъюнктуру высоких цен. Однако резкий рост стоимости добычи нефти и нежелание принимать иностранные инвестиции приводят к стагнации потенциала этих стран.

Нерешенность ключевой каспийской проблемы – правового статуса моря – может дать политические осложнения, однако разногласия между некоторыми прикаспийскими государствами (Ираном и Азербайджаном, Азербайджаном и Туркменистаном) из-за спорных месторождений едва ли способны вылиться в вооруженный конфликт. В то же время для Тегерана в какой-то степени выгодно сохранение напряженности на Каспии, поскольку это уменьшает активность иностранных нефтегазовых компаний в Казахстане и Азербайджане.

Сам Иран остается в перспективе основным источником уменьшения энергетической зависимости Европейского союза от России. С этой точки зрения Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы как можно скорее снять иранскую проблему и использовать иранский

энергетический потенциал для решения совместных с ЕС геополитических задач, в том числе и в сфере энергетики. Но пока ядерная проблема Ирана не будет мирным путем урегулирована, транспортировки иранских углеводородов на европейский рынок не произойдет, и Иран продолжит ориентироваться в первую очередь на рынок сбыта стран азиатско-тихоокеанского региона. Нормализация в перспективе отношений между США и Ираном способна существенно изменить обстановку в Каспийском регионе и стать, одновременно, серьезным вызовом интересам России и других экспортеров нефти и газа в Каспийском регионе. Ведь следствием такой нормализации будет выход на каспийскую сцену игрока, обладающего большим экономическим и военно-политическим потенциалом, являющегося серьезным конкурентом на нефтяном и газовом рынках.

География поставок каспийских нефти и газа в 2007 г. расширилась, не ограничиваясь одними лишь трубопроводными системами, пролегающими по российской территории. Это происходило не только вследствие активных действий на этом направлении США и ЕС, активно работавших в сфере подрыва монополии России на транзит нефти и газа из Каспийского региона, но и потому, что «многовекторность» энергомаршрутов отвечала и отвечает экономическим интересам местных производителей. Не отказываясь от борьбы за сохранение своей важной роли поставщика энергосырья на внешние, прежде всего, европейские рынки, Россия вынуждена будет принять во внимание тот непреложный факт, что среда становится все более конкурентной, а это в свою очередь потребует изменения энергостратегии, приспособления ее к новым, стремительно меняющимся реалиям.

В целом соперничество между основными каспийскими игроками усилится, если подтвердятся прогнозы по нефтяным запасам Каспийского водоема и его недр. Ставки здесь повысятся, а вместе с этим увеличится опасность серьезного конфликта политических и экономических интересов конкурирующих сторон — как региональных, так и внерегиональных. Помимо разногласий относительно принадлежности месторождений и никак не решаемого вопроса статуса Каспия, существует еще одна потенциальная опасность — смена власти в прикаспийских государствах: она может привести к нарушению хрупкого баланса, достигнутого правящими элитами прикаспийской «пятерки».

Южный Кавказ даже с учетом массивированного содействия США и участия Евросоюза едва ли превратится в полноценный энергокоридор, соединяющий Каспийский регион (со входящей в него Центральной Азией) с западными потребителями. Во-первых, емкость существующих трубопроводных коммуникаций недостаточна. Во-вторых, доказанные каспийские запасы, по всей видимости, не так велики, как это иногда представляют. В-третьих, стоимость создания новых энергомаршрутов, которые предполагается протянуть между Казахстаном и Азербайджаном, чрезвычайно высока. Сегодня даже сложно оценить рентабельность трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который окупается, судя по всему, в первую очередь как политический проект. Да и в целом, как показал результат внедрения такого высокочрезвычайно затратного проекта, как Баку-Тбилиси-Джейхан, трубопроводы оказываются достаточно умеренным по силе влияния механизмом давления на местные элиты, но сильно раскрученным как политиками, так и средствами массовой информации, и от этого переоцененным. Тем не менее, усилия западных правительств и компаний по созданию на Южном Кавказе альтернативных путей транспортировки энергоносителей на Запад и их защите будут в значительной мере определять военно-стратегическую обстановку в этом регионе постсоветского пространства.